

~~1111~~
Религіозно-Філософська Бібліотека.—Випускъ І.

МѢСТО
ХРИСТІАНСТВА
ВЪ ИСТОРИИ.

В. В. Розанова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. О. Воицкой. Ярославская ул., № 1—9.

1904.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 11 Декабря 1903 года.

Ф15228-35

2007063235

Два великія племена почти исключительно занимаютъ поприще всемірной исторіи—арійское и семитическое. Если мы прослѣдимъ за характеромъ этихъ двухъ племенъ на всемъ протяженіи ихъ существованія, мы будемъ поражены глубокимъ различіемъ, которое повсюду и во всемъ обнаруживается между ними. На самой зарѣ своего историческаго существованія тѣ племена, дальнюю отрасль которыхъ составляемъ и мы, назвали себя „свѣтлыми“, arīoi, и этимъ именемъ безсознательно отмѣтили тотъ особый характеръ, который запечатлѣлся на всей ихъ исторіи. Повсюду, гдѣ мы ихъ ни наблюдаемъ, отъ Ганга и до Миссисипи, отъ старыхъ „Вѣдь“ и до нашего времени, они являются исполненными жизнерадостнаго чувства, любятъ природу и поклоняются красотѣ, и, не заглядывая въ отдаленное будущее, всецѣло отдають настоящему свои душевныя силы. Невозможно исчислить всѣхъ родовъ дѣятельности, какіе занимали ихъ, и если исторія такъ безгранично богата событіями, если то, о чемъ повѣствуетъ она, такъ нескончаемо разнообразно, то это благодаря исключитель-

но особенностямъ арійскаго духа. Въ чемъ же заключается эта особенность? какъ выразить, какъ опредѣлить тотъ особенный душевный складъ, изъ котораго объясняется все своеобразіе арійской исторіи и жизни?

Объективность—вотъ то названіе, которое всего правильнѣе опредѣляетъ этотъ особый складъ души. Умъ, чувство, воля—всѣ силы душевныя у арійца постоянно направлены *на внѣшнее, на встрѣчу впечатлѣніямъ, идущимъ снаружи*, и посмотрите, съ какою необходимостью одно свойство это должно было повести къ созданію всего того, что мы находимъ въ ихъ исторіи и жизни. Разумъ, направленный на внѣшнее, и не могъ ничѣмъ иначе выразить свою дѣятельность, какъ наблюденіемъ надъ природою и размышленіемъ о ней, т. е. именно тѣмъ самымъ, что образуетъ науку и философію, которую мы одинаково находимъ у всѣхъ арійскихъ народовъ. Опытный и наблюдательный характеръ, который по преимуществу носить эта наука и философія, мы склонны принимать за необходимую и вѣчную черту въ ней, обусловленную самымъ предметомъ познанія; въ дѣйствительности же, черта эта обусловлена только субъективными особенностями арійскаго духа,—и если намъ такъ трудно понять это, если мы такъ упорно отвергаемъ мѣстный и временный характеръ нашей науки, то это свидѣтельствуется только о томъ, какъ безсильны мы встать выше своей природы, какъ не можемъ подняться надъ тѣмъ, что

есть въ ней особеннаго и частнаго. Обращенное на то же внѣшнее, чувство создало искусство, какъ стремленіе воспроизвести это внѣшнее. Уже Аристотель, который первый опредѣлилъ своимъ рефлектирующимъ умомъ то, что безъ опредѣленій, бессознательно и невольно создавалъ человѣкъ раньше, назвалъ искусство „*подражаніемъ*“, и въ этомъ опредѣленіи, уже бессознательно для себя самого, онъ отмѣтилъ ту коренную черту арійской души, о которой мы говоримъ теперь. Подражать можно лишь тому, что любишь, чѣмъ заинтересованъ; воспроизводить же неприятное или чуждое никто не станетъ, потому что самый процессъ такого воспроизведенія не можетъ доставить никакого удовольствія. И то, что искусства у арійцевъ достигли такого высокаго совершенства, что одно и то же они стремились воспроизвести и въ линияхъ картины, и въ контурахъ статуи, и въ словахъ поэмы—это свидѣтельствуеть о томъ жизнерадостномъ чувствѣ, о томъ любовномъ вниманіи къ физической природѣ и вообще ко всему окружающему, которое всегда было имъ присуще. Наконецъ воля, направленная на внѣшнее, должна была выразиться въ стремленіи подчинить себѣ это внѣшнее или, по крайней мѣрѣ, регулировать его отношеніе къ себѣ, и здѣсь лежитъ объясненіе третьей особенности въ исторіи арійцевъ, именно той, что повсюду, гдѣ они ни появлялись, они создавали государства и устанавливали права. Государство есть то, въ чемъ

выражается отношеніе одного народа къ другимъ, для него внѣшнимъ народамъ, въ чемъ онъ опредѣляетъ себя и отдѣляетъ отъ другихъ; право есть то, что опредѣляетъ отношеніе одного лица къ другимъ, для него чуждымъ людямъ. И то, и другое обращено къ внѣшнему, одинаково носить объективный характеръ. Отсюда же, изъ этого направленія воли къ внѣшнему, вытекаетъ и стремленіе, путемъ науки, подчинить себѣ окружающую природу, — и великій антагонистъ Аристотеля, Бэконъ Веруламскій, указавъ на это подчиненіе, какъ на цѣль натуральной философіи, выразилъ въ этомъ указаніи ту же черту арійскаго характера, которую въ своемъ опредѣленіи искусства выразилъ греческій философъ. Мы не можемъ, по недостатку времени, останавливаться на болѣе тонкихъ чертахъ исторіи, и отмѣчаемъ только эти грубые, общепризнанные факты ея. Наука, искусство, государство—это три главные продукта арійскаго творчества, въ нихъ именно достигли они величія и въ послѣдовательномъ, медленномъ созиданіи ихъ проходила исторія этихъ народовъ. И какъ слѣдствіе къ своей причинѣ, они должны быть отнесены къ объективному складу трехъ главныхъ способностей души арійцевъ.

2. ✓ | Обратимся теперь къ рассмотрѣнію душевнаго склада семитическихъ народовъ въ связи съ ихъ исторіей. То, что составляетъ отрицаніе арійскаго характера, что совершенно противоположно ему по направленію, есть

субъективность, и она именно составляет отличительную черту психического склада названных народовъ. Они никогда не смотрѣли съ интересомъ на окружающій міръ и у нихъ никогда не возникала наука. То высокое понятіе, которое сложилось о наукѣ арабовъ въ средніе вѣка и долгое время держалось въ новыя, при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ оказалось ложнымъ. Изученіе медицины началось у нихъ лишь съ того времени, какъ халифъ Альмансунъ призвалъ къ своему двору, въ Багдадъ, греческихъ (изъ Сиріи) врачей; подъ вліяніемъ этихъ врачей и, конечно, руководимые практическою потребностью, они стали сами изучать медицину, но и тогда не пошли далѣе переводовъ и комментирования Гиппократа и Галена. То, что они сдѣлали въ астрономіи, ограничивалось изобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ инструментовъ и болѣе точными и обильными, нежели какія были у грековъ, наблюденіями; но и здѣсь они трудились на почвѣ, уже воздѣланной ранѣе, и не оплодотворили ее никакою новою мыслью. Имъ долгое время приписывалось изобрѣтеніе алгебры, но теперь извѣстно, что начатки этой науки существовали уже ранѣе, у арійскихъ индусовъ; рѣшеніе уравненій, прогрессіи, даже суммирование рядовъ—все то, что мы называемъ элементарною алгеброй—было извѣстно на берегахъ Ганга ранѣе, чѣмъ арабы начали прилагать свои силы къ этой наукѣ и дали ей то названіе, которое мы употребляемъ теперь. Наконецъ, въ философіи, въ которой

они также славились долгое время, они не пошли далѣе усвоенія и истолкованія Аристотеля и отчасти Платона. Альфъ-Араби, „второй метафизикъ“, какъ называли его современники, говорилъ о себѣ съ гордостью, что онъ сорокъ разъ прочиталь „Физику“ Аристотеля и двѣсти разъ — его „Реторику“. Аверроэсъ, о которомъ съ такимъ уваженіемъ вспоминаеть Дантъ въ „Божественной комедіи“, носилъ въ средніе вѣка прозваніе „великаго комментатора“. „Аристотель объяснилъ природу, а Аверроэсъ объяснилъ Аристотеля“, говорили о немъ съ гордостью арабы. И во всемъ этомъ, чѣмъ гордились арабскіе ученые и за что прославляли ихъ другіе народы, видно одно: это—отсутствіе инициативы, недостатокъ творческаго начинанія во всемъ. Если отъ арабовъ мы перейдемъ къ евреямъ, то въ древности не найдемъ у нихъ никакой мысли о научномъ знаніи, а въ новое время хотя иногда они и обнаруживали высокія способности къ наукѣ, но замѣчательно, что и здѣсь, никогда не являясь инициаторами, творцами новыхъ идей, они только придавали европейской наукѣ характеръ крайней абстрактности, отвлекали ее отъ всего единичнаго и частнаго. Таково было вліяніе въ XVII в. Спинозы на философію, и Давида Рикардо въ текущемъ столѣтіи—на политическую экономію. Въ этомъ абстрактномъ мышленіи, въ этомъ отвращеніи отъ наблюденія и опыта сказалась та черта субъективности, то направленіе душевнаго созерцанія внутрь, а не къ

внѣшнему, которое обнаруживается у нихъ и во всемъ другомъ. Они никогда не знали свѣтлаго міра искусствъ и имъ не знакомо было то чувство, съ которымъ художникъ-грекъ воспроизводилъ природу въ статуѣ или въ картинѣ и любовался своимъ созданиемъ. Изъ всѣхъ искусствъ только два, музыка и лирика, уже съ самага ранняго времени процвѣтали у нихъ. Но это есть именно тѣ виды искусства, въ которыхъ ничего не воспроизводится, и только выражается; они исключительно субъективны и къ нимъ совершенно не идутъ слова Аристотеля, что „искусство есть подражаніе“. Если бы какой-нибудь семитъ, а не грекъ опредѣлялъ искусство, онъ вѣрно сказалъ бы: „искусство есть выраженіе внутренняго міра человѣческой души“; до такой степени чуждо семитамъ то, что такъ знакомо и близко арійцамъ, и арійцамъ не знакомо то, что такъ родственно семитамъ. У семитовъ даже не зарождалось никогда живописи и скульптуры, этихъ искусствъ, грубые начатки которыхъ въ Европѣ находятся уже въ памятникахъ доисторическаго быта: находя кости животныхъ, уже теперь вымершихъ, на нихъ находили нацарапанными фигуры звѣрей и изображенія охоты. Въ области архитектуры даже храмъ Соломоновъ былъ сооруженъ у евреевъ не ими самими, но пришлыми, чужими *) художниками. Это

*) Принадлежность финикіянь къ семитамъ, утверждаемая одними учеными, отрицается другими. Но если даже и согласиться, что они были семиты, то все же характерно, что

совершенное безсиліе семитовъ къ образнымъ искусствамъ можно прослѣдить у нихъ и въ томъ, что есть образнаго, воспроизводящаго и въ сферѣ поэтическаго слова. Эпоса, въ которомъ, какъ въ морѣ небеса, отражается весь сложный міръ человѣческой жизни, который мы находимъ въ „Магабаратѣ“ и „Рамаянѣ“ индусовъ, въ рапсодіяхъ Гомера, въ „Эддѣ“ скандинавовъ, въ нашихъ былинахъ этого эпоса никогда не знали семиты. У нихъ нѣтъ никакихъ преданій, нѣтъ миѳологіи, нѣтъ другихъ воспоминаній, кромѣ священныхъ и историческихъ — черта, поражающая насъ своею странностью: какъ будто народы эти никогда не знали ни дѣтства, ни героической юности, но всегда были такими, какими мы ихъ знаемъ теперь—вѣчно возмужалыми, не растущими и не старѣющими. Наконецъ, если отъ науки и искусства мы обратимся къ политической жизни, мы и здѣсь найдемъ у семитовъ обнаруженіе той же субъективности. Какъ, вслѣдствіе субъективнаго склада своей души, они оставались холодными къ красотѣ природы, не любовались ею и не любили ее, такъ и по той же причинѣ они всегда были безучастны и къ окружающимъ людямъ. Они селились среди другихъ народовъ и охотно отдавали имъ требуемое, лишь бы не принимать на себя обязанностей управленія и орга-

---

двухъ семитическихъ народовъ одинъ, желая построить храмъ, обращается за помощью къ другому, у котораго вслѣдствіе близости моря, развитія торговли и опытности въ судостроеніи, явилась и нѣкоторая умѣлость въ сооруженіи большихъ зданій.

низации. То, что принято въ исторіи называть ихъ государствами—Тиръ и Сидонъ, Карѳагенъ и Іудея—все это было скорѣе или группою торговыхъ факторій, или рядомъ селеній какого-нибудь племени. Вотъ характерныя слова, которыми описывается въ Библии то, что мы такъ неправильно, перенося свои арійскія понятія на чуждыя племена, называемъ государствомъ: „и пришли тѣ пять мужей въ городъ Лаисъ и увидали народъ, который въ немъ, что онъ живетъ покойно, *по обычаю сидонянъ, тихъ и безпеченъ, и что не было въ землю той, кто обижалъ бы въ чемъ или имѣлъ бы власть*“ *). Это странный народъ, безъ организаци и безъ власти, т.-е. такой, какого намъ трудно представить себѣ, какого мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ арійской исторіи. Все участіе семитическихъ народовъ въ политическихъ движеніяхъ исторіи можно отнести, какъ къ своимъ причинамъ, къ политическимъ движеніямъ окружавшихъ ихъ арійскихъ народовъ.

II.

Мы очертили характеръ арійцевъ и семитовъ, каковыми ихъ знаетъ исторія, въ отношеніи умственномъ, художественномъ и политическомъ, и не коснулись одной только

*) Книга Судей, XVIII.

стороны ихъ жизни—религіозной. Теперь на ней именно мы должны сосредоточить свое вниманіе.

Первый вопросъ, который естественно возникаетъ здѣсь, состоитъ въ томъ, почему изъ всѣхъ народовъ земныхъ однимъ только семитамъ, и именно евреямъ, дано было Откровеніе? почему другіе народы были лишены его?

Если мы вдумаемся глубже въ ту особенность, которую отмѣтили выше въ душевномъ складѣ семитовъ, мы, быть можетъ, приблизимся къ разрѣшенію этого важнаго и интереснаго вопроса. Не желая выходить изъ предѣловъ исторіи, мы не будемъ здѣсь вдаваться въ доказательства, но скажемъ только, что есть самыя серьезныя и самыя точныя основанія *) думать и утверждать, что духъ человѣческой не есть ни произведеніе органической природы, ни что-либо одиночно стоящее во всемъ мірозданіи. Не только съ религіозной, но и съ научной точки зрѣнія самымъ правильнымъ будетъ признать, что въ насъ живетъ „дыханіе“ Творца нашей природы и этимъ дыханіемъ живемъ мы, что оно есть источникъ всего лучшаго, что чувствуемъ мы въ себѣ, и что его затемненіе есть причина всего темнаго,

*) Эти основанія изложены нами въ книгѣ: „О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки какъ цѣльнаго знанія“. Москва, 1886 г., въ главахъ XIII стр. 417—443, въ XIV, стр. 474—483 (по отношенію къ возникновенію и развитію религіозныхъ идей) и въ XV, стр. 541—547 (по отношенію къ содержанию религіи).

что мы знаемъ въ исторіи и находимъ въ жизни. Теперь, если съ этой точки зрѣнія мы посмотримъ на арійцевъ и семитовъ, мы поймемъ, почему не первые, а вторые были предъизбраны для Откровенія. По самому складу своей души, арійцы были вѣчно обращены къ внѣшнему, къ физической природѣ: и то все, что мы называемъ красотою ихъ жизни и исторіи—наука, искусство, государство—все это красота только для насъ, въ дѣйствительности же, съ высшей точки зрѣнія на природу человѣческой души, это есть ея искаженіе и обезображеніе. Окружающій міръ какъ въ зеркалѣ своемъ отражался въ этой обращенной къ нему душѣ, сверкалъ въ ней мириадами чудныхъ созданій, но если мы припомнимъ, что то, въ чемъ онъ отражался, есть дыханіе и образъ самого Божества, мы безъ труда поймемъ, что эти отраженія были недостойны его, что они затемняли его и оскверняли собою. И здѣсь лежитъ разгадка всего. Духъ семитовъ, который всегда былъ обращенъ внутрь себя, который не чувствовалъ природы и отвращался отъ жизни, одинъ въ исторіи сохранилъ чистоту свою, никогда не переставалъ быть только дыханіемъ Божества. Никакія мысли и никакія желанія не развлекали его, одно Божество было предметомъ его вѣчной и неутолимой жажды. „Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!“ говоритъ Давидъ въ одномъ изъ своихъ псалмовъ (XLI). Эта потребность

Божества, вѣчная въ семитахъ, и особенно еврейхъ, была прекрасно выражена бл. Августиномъ, когда, не нашедши успокоенія въ человѣческой мудрости, онъ обратился къ христіанству: „Боже, Ты создалъ насъ для Себя, и наше сердце не найдетъ покоя, пока оно не успокоится въ Тебѣ“. Какъ бы въ отвѣтъ на эти постоянныя исканія, какъ бы удовлетворяя этой неумолкающей жадѣ, еврейскому народу и дано было Откровеніе. Онъ одинъ въ исторіи и искалъ его, и былъ достоинъ воспринять—именно потому, что душа его не запятнана была земными помыслами и заботами, въ которые такъ безраздѣльно погрузилась душа арійца.

Различное отношеніе этихъ двухъ племенъ къ Отровенію, которое мы старались объяснить выше, очень рельефно было высказано нѣмецкимъ ученымъ Грау. Примѣняясь къ словамъ и образамъ Библии, гдѣ еврейскій народъ часто называется избранною невѣстою Бога, онъ говоритъ: „если мы представимъ семитическую и арійскую группы народовъ въ видѣ двухъ дѣвъ, изъ которыхъ Богъ долженъ избрать одну для союза съ Собою въ святой любви, то, конечно, арійская дѣва можетъ хвалиться многими преимуществами, которыхъ не имѣетъ семитическая дѣва. Она можетъ сослаться на украшенія и сокровища, которыя она пріобрѣла черезъ свое господство надъ міромъ, на богатство фантазіи, проявившееся во всѣхъ искусствахъ, на мудрость и глубокія позна-

нія во всѣхъ вещахъ міра. Какъ мужественная дѣва, она можетъ даже, въ сознаніи своей силы, найти довольство и цѣль жизни въ самой себѣ. Ничего этого нѣтъ у другой дѣвы. Она стоитъ передъ той, какъ нищая, бѣдная и неукрашенная передъ королевой. Но она имѣетъ одно, чего недостаетъ той: это—сердце, полное неизгладимаго стремленія къ Богу и Спасителю ея души, къ создателю ея жизни, сердце полное неисчерпаемой любви, которая не спрашиваетъ ни о небѣ, ни о землѣ, если только она обладаетъ Богомъ, и которая допускаетъ погубить тѣло и душу, лишь бы духъ имѣлъ часть съ Нимъ. Одно имѣетъ некрасивая дѣва—это смиренную вѣру, въ силу которой она сама по себѣ желаетъ быть ничто, но все имѣетъ только въ другомъ, при которой она не находитъ никакого удовольренія въ мірѣ и потому прилѣпляется единственно къ Богу, ни мало не сомнѣвается въ Богѣ, но совершенно на Него полагается. Живо предносятся намъ образъ такой дѣвы въ Божіей Матери, которая ничего не имѣетъ кромѣ смиренной вѣры чистой и цѣломудренной души, когда она говоритъ Ангелу-благовѣстнику: *„се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему“* *). (Ев. отъ Луки, I, 38).

---

*) Приведенная цитата взята нами изъ сочиненія г. Бяляева: „Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей семитовъ, хамитовъ и іафетитовъ для религіознаго развитія

III.

Еврейскій народъ ревниво оберегалъ данное ему сокровище. Можно сказать, что чѣмъ болѣе любилъ онъ Бога, тѣмъ менѣе любилъ онъ людей. Что въ Богѣ всѣ народы земные имѣютъ своего Отца, который въ милосердіи своемъ печется о заблудшихъ столько же, сколько и о вѣрныхъ, скорбитъ о нихъ и ищетъ ихъ спасенія—эта мысль была совершенно чужда евреямъ. Мы могли бы привести изъ Библии много примѣровъ этой поразительной замкнутости избраннаго народа, его нежеланія приобщить другіе народы къ Откровенію, которое дано было ему. Такъ, мы могли бы указать на избіеніе всего мужскаго населенія въ городѣ Сихемѣ послѣ того, какъ оно приняло уже обрѣза-

---

этихъ группъ народовъ". Москва, 1881 г. Изъ этой интересной и, къ удивленію, почти неизвѣстной въ нашей литературѣ книги, мы узнаемъ, что вопросъ объ особенностяхъ психическаго склада у различныхъ расъ человѣческаго рода уже давно поднятъ и дѣятельно разрабатывается въ западно-европейской наукѣ, тогда какъ у насъ, въ научномъ смыслѣ, онъ остается еще совершенно неизвѣстенъ. Характеристика семитовъ сдѣлана Грау въ сочиненіи „Semiten und Indogermanen in ihrer Beziehung zu Religion und Wissenschaft“. Къ сожалѣнію, вчитываясь въ эту характеристику, мы не находимъ въ ней указанія на что-либо одно, центральное въ психическомъ складѣ семитическихъ народовъ, изъ чего уже естественно выводились бы особенности ихъ исторіи и жизни; различныя черты характера поставлены рядомъ, перечислены, и въ такомъ видѣ онѣ не способны получить объясняющаго значенія, указываютъ на аналогичное въ явленіяхъ культурной и религіозной жизни, но не опредѣляютъ ни причиной зависимости этихъ явленій, ни общаго источника всѣхъ ихъ (примѣръ: „семитъ отличается субъективизмомъ, живостью

ніе. Но мы приведемъ здѣсь другой фактъ, мы укажемъ *цѣльный взглядъ* евреевъ на отношеніе къ себѣ и къ Богу другихъ земныхъ народовъ. Этотъ взглядъ тѣмъ болѣе привлекаетъ наше вниманіе, что былъ высказанъ въ позднее время униженія и страданія еврейскаго народа, которое должно бы смягчить его сердце, и принадлежить великому дѣятелю его исторіи. „Въ тридцатомъ году по раззореніи города“ рассказываетъ Ездра въ 3-й книгѣ своего пророчества, „я былъ въ Вавилонѣ, и смущался, лежа въ постелѣ моей, и помышленія всходили на сердце мое“. Ему припоминались всѣ странныя судьбы своего народа, его избраніе Богомъ, его слава при Давидѣ и Соломонѣ и его теперешнее униженіе. Онъ ропталъ, онъ говорилъ къ Богу: „Ты предалъ народъ Твой въ руки враговъ Твоихъ; неужели лучше живутъ обитатели Вавилона и за это владѣютъ Сіономъ?“ Въ Вавилонѣ также грѣшатъ, и кромѣ того не признаютъ даже по имени истиннаго Бога,

и горячностью чувства, энергической стремительностью, напряженностью всѣхъ внутреннихъ способностей и упрямымъ, неотступнымъ преслѣдованіемъ предположенной цѣли“, и т. п.). Мы принимаемъ за центральную основу у семитовъ—субъективность, обращеніе сознанія внутрь себя, и у арійцевъ—объективность, обращеніе сознанія къ внѣшнему; и находя это же, какъ основу, и въ обширныхъ видахъ человѣческаго творчества (какъ наука, право, искусство и пр.), связываемъ одно съ другимъ, черезъ что онѣ взаимно подтверждаются и объясняются. Не выдѣливъ одного чего-либо, какъ центральной особенности въ семитахъ и арійцахъ, Грау не могъ прослѣдить и судьбы этой особенности въ исторіи, ея отношенія къ актамъ Откровенія и Искупленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ не могъ опредѣлить и истиннаго положенія христіанства въ планомѣрномъ развитіи исторической жизни. Эти вопросы даже и не поднимаются имъ.

еврейскій же народъ и въ величайшемъ нравственномъ паденіи никогда не отрекался отъ этого имени: и между тѣмъ одинъ поднять на высоту, а другой низвергнуть въ бездну несчастія и униженія. Это возмущаетъ его сердце и онъ говоритъ: „Я видѣлъ, какъ Ты поддерживаешь сихъ грѣшниковъ и щадишь нечестивцевъ; а народъ Твой погубилъ, враговъ же Твоихъ сохранилъ,—и не явилъ о томъ никакого знаменія“. Въ его ропщущемъ сердцѣ поднимается глубокой, никогда не разрѣшенный вопросъ о происхожденіи зла, поднимается сомнѣніе въ Божественномъ Промыслѣ и его праведности: „Не понимаю“, говоритъ онъ, „какъ этотъ путь могъ измѣниться. Неужели Вавилонъ поступаетъ лучше, чѣмъ Сіонъ? Или иной народъ позналъ тебя, кромѣ Израиля? Или какія племена вѣровали завѣтамъ твоимъ, какъ Іаковъ? *Ни воздаяніе имъ не равномѣрно, ни трудъ ихъ не принесъ плода; ибо я прошелъ среди народовъ, и видѣлъ, что они живутъ въ изобиліи, хотя и не вспоминаютъ о заповѣдяхъ Твоихъ*“ *). Къ нему посланъ былъ ангель Уриилъ, и словами, сходными съ тѣмъ, что слышалъ и Іовъ, онъ пытался смирить его ропщущій духъ; онъ ему говорилъ, что „сердце его слишкомъ далеко зашло въ этомъ вѣкѣ, что пылливость ума его объ Израилѣ дерзка, что онъ напрасно пытается постигнуть путь Всевышняго“ **). Но эти увѣща-

---

*) Третья книга Ездры, гл. III. **) Тамъ же, гл. IV.

нія остались бесплодны. Черезъ нѣсколько дней послѣ бесѣды съ Ангеломъ, прежнія мысли слова зароились въ немъ, и въ словахъ, которыя онъ сказалъ на этотъ разъ, выразился тотъ поражающій взглядъ, о которомъ мы говорили выше. Эти слова касаются уже не Вавилона, не утѣснителей только израильскаго народа. Вспомнивъ о дняхъ творенія міра и человѣка, онъ говоритъ: „Для насъ, Господи, создалъ Ты вѣкъ сей, о прочихъ же народахъ, происшедшихъ отъ Адама, Ты сказалъ, что они ничто, но подобны слюнкѣ, и все множество ихъ Ты уподобилъ каплямъ, каплющимъ изъ сосуда. И нынѣ, Господи, вотъ эти народы, за ничто Тобою признанные, начали владычествовать надъ нами. Мы же, народъ Твой, котораго Ты назвалъ Твоимъ первенцемъ, едиnorodнымъ, возлюбленнымъ Твоимъ, преданы въ руки ихъ. Если для насъ созданъ вѣкъ сей, то почему не получаемъ мы наслѣдія съ вѣкомъ? и доколь это?“ *).

Какимъ ужасающимъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ словъ, какая странная отчужденность отъ всѣхъ людей слышится здѣсь; кромѣ своего народа, всѣ остальные племена земныя не только пренебрежены, но почти забыты. Во всемірной исторіи и во всемірной литературѣ, гдѣ было такъ много униженія и гордости, возвеличенія и паденія, вѣроятно никогда не были сказаны слова такой пре-

*) Третья книга Ездры, гл. VI.

зрительности, какъ эти. И сказаны въ уединеннѣи ночной молитвы, сказаны къ Богу, т. е. вытекають изъ самой глубины души, выражаютъ постоянную мысль, въ которой нѣтъ никакого сомнѣнiя. Здѣсь гордость и униженiе такъ велики, что они не обращены даже къ тѣмъ, кого унижаютъ; унижаемые очевидно не существуютъ для того, кто унижаетъ.

Ездра въ своемъ ропщущемъ сердцѣ могъ забыть о людяхъ, но о нихъ не могъ забыть Богъ. И здѣсь, намъ думается, лежитъ объясненiе непостижимыхъ на первый взглядъ судьбъ израильскаго народа, который такъ долго былъ избраннымъ и въ концѣ былъ отвергнутъ. Ездра не понималъ, отчего израильскiй народъ въ плѣну и страдаетъ,—и дѣйствительно, если принять во вниманiе грѣхы тѣхъ и другихъ, онъ не окажется болѣе виновнымъ передъ Богомъ; но Ездра забылъ, что его страданiя не внутреннiя, не голодъ и моръ, но что онъ весь въ цѣломъ преданъ въ руки враговъ. Здѣсь было наказанiе не за частныя грѣхы отдѣльныхъ людей, но за грѣхъ общiй всему Израилю, за грѣхъ его передъ другими народами, о которыхъ онъ забылъ, которыхъ онъ не хотѣлъ приобщить къ своему избранiю. Въ Библии народъ Божiй нерѣдко сравнивается съ виноградною лозою; эта лоза все болѣе и болѣе засыхала въ своемъ отчужденiи и эгоизмѣ. Напрасно возставали среди евреевъ пророки, напрасно величайшiй изъ нихъ, Исаия, съ неизъяснимою

силою говорилъ, что всѣ народы земные должны собраться къ Сіону. Ихъ преслѣдовали и убивали. Израиль не хотѣлъ заботиться о приведеніи народовъ къ Сіону; какъ и для Ездры, эти народы, безчисленные милліоны человѣческихъ душъ, были для него лишь „ненужными каплями, каплющими изъ сосуда“, и что онѣ бесплодно терялись и засыхали въ землѣ, объ этомъ нечего было заботиться.

Эта безжалостность къ Божію творенію, это невниманіе къ человѣческой душѣ и было наказано, когда „исполнились времена и сроки“, отверженіемъ еврейскаго народа. Новое и высшее Откровеніе, которое дано было людямъ, совершилось черезъ Израиля, но уже не для него. Какъ будто всѣ силы засыхающей лозы, оставляя омертвѣлыми другія части ея, собрались въ одномъ мѣстѣ и произвели послѣнее и чудное явленіе израильской исторіи и жизни—св. Дѣву Марію. Черезъ нее совершилось вочеловѣченіе Сына Божія; Онъ не былъ признанъ Израилемъ, но Откровеніе, Имъ принесенное на землю, было принято другими народами, и именно арійцами.

Такъ, двѣ тысячи лѣтъ назадъ, на дальнемъ берегу Средиземнаго моря въ глухой и уединенной странѣ совершилось это событіе, самое потрясающее во всемірной исторіи. Какъ и все истинно великое на землѣ, оно совершилось безъ шума и незамѣтно. Въ то время какъ на западѣ ненужно передвига-

лись легионы, произносились пустыя рѣчи и писались безсильные законы, въ Виѳлеемѣ и Іерусалимѣ рѣшались судьбы и востока и запада. Тамъ перемѣщалось всемірно-историческое значеніе семитическихъ и арійскихъ народовъ, упразднялся Римъ и заложена была новая исторія и новая цивилизація—та, въ которой живемъ, думаемъ и стремимся мы.

Среди народа, гордаго своимъ избранничествомъ, ни съ кѣмъ не сообщающагося, ходилъ и училъ Спаситель. Бѣдной Самарянкѣ, съ которою за оскверненіе почель бы говорить книжникъ-раввинъ, Онъ говорилъ слова неизъяснимой мудрости; Онъ простилъ грѣшницу, боявшуюся поднять глаза отъ земли; Онъ проникъ въ бѣдное, стыдящееся себя самое сердце мытаря; рассказалъ притчу о милостивомъ Самарянинѣ. Все это было такъ не похоже на то, что уже много лѣтъ привыкъ слышать еврейскій народъ отъ своихъ учителей. Кромѣ немногихъ избранныхъ, онъ оставался глухъ къ Его словамъ. Но все-таки этотъ народъ былъ сѣменемъ Авраама, это былъ страдалецъ въ Египтѣ, хранитель заповѣдей, онъ слушалъ пророковъ, въ теченіе долгихъ вѣковъ онъ одинъ на землѣ хранилъ законъ и имя истиннаго Бога; и только теперь, повинувшись неизмѣнному ходу исторіи, онъ палъ такъ низко. Однако паденіе это было связано со всею его предшествующею судьбою, было внутренне необходимо и онъ не могъ уже подняться изъ него. За нѣсколько дней до

своихъ страданій и смерти, въ словахъ, полныхъ неизъяснимой грусти и неизгладимаго величія, Спаситель высказалъ судьбу израильскаго народа: „О Іерусалимъ, Іерусалимъ“, сказалъ Онъ, смотря на градъ Давидовъ: „сколько разъ хотѣлъ Я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли“; и, думая о наступающихъ страшныхъ дняхъ и о послѣднихъ судьбахъ міра и человѣка, продолжалъ: „вотъ домъ вашъ оставляется вамъ пустъ; отнынѣ не увидите Меня, доколѣ не воскликнете: „благословенъ Грядый во имя Господне“ (Ев. отъ Матѳея, XXIII). Историческое и религіозное значеніе еврейскаго народа кончилось.

IV.

Здѣсь мы не можемъ удержаться, чтобы не высказать нѣсколько общихъ замѣчаній историческаго характера. Все, что совершается въ исторіи, совершается съ внутреннею необходимостью, и она видна какъ въ томъ, что въ ветхозавѣтныя времена еврейскій народъ былъ избранъ, такъ и въ томъ, что въ новозавѣтныя времена онъ былъ отвергнутъ. Скажемъ болѣе: между тою и другою судьбою была неразрывная связь и ни которая изъ нихъ не могла бы совершиться, еслибы не

совершилась другая. Здѣсь проявило свою силу то темное и неясное для человѣческаго ума, что непреодолимо управляетъ жизнью народовъ и ходомъ исторіи, что всегда чувствовали люди, но что они никогда не умѣли ни понять, ни выразить; это—то самое, что чуткіе греки отмѣтили словомъ „мойры“ и что они не осмѣлились олицетворить ни въ какомъ образѣ; что гораздо ранѣе формулировалось на одномъ соборѣ буддійскаго духовенства подъ именемъ „винословнаго закона“ и на что слабо и лишь въ частностяхъ указываетъ наша наука подъ именемъ законовъ природы. Добро и зло, какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи, связано неразрывною связью, неотдѣлимо одно отъ другого: и эта неотдѣлимость сказалась въ призваніи и отверженіи еврейскаго народа. Припомнимъ то, что было сказано ранѣе о душевномъ складѣ его, именно о томъ, что его созерцаніе всегда направлено внутрь самого себя, что оно субъективно: будучи одинъ изъ всѣхъ народовъ таковымъ, могъ ли онъ въ чемъ-нибудь нарушить свою духовную чистоту, исказить природу своей души впечатлѣніями внѣшняго міра? И если нѣтъ, если изъ всѣхъ народовъ онъ одинъ на землѣ оставался чистымъ, могъ ли онъ не стать единымъ избраннымъ, могъ ли не воспринять первый всѣ Откровенія? Но именно потому, что онъ былъ такъ субъективенъ, могъ ли онъ быть общителемъ съ другими народами? И если ясно, что нѣтъ, то какимъ

образомъ обѣтованіе Искупленія, которое должно было исполниться надъ всѣмъ сѣменемъ Адама, пролиться на всѣ народы земные, какимъ образомъ это обѣтованіе могло исполниться иначе, какъ не черезъ отверженіе этого народа тотчасъ же, какъ только совершилось Искупленіе? Одна и та же причина породила оба эти явленія, призваніе и отверженіе; и если мы поймемъ, если мы почувствуемъ, съ какою страшною необходимостью совершилось это, мы проникнемся глубокою жалостью къ еврейскому племени, нѣкогда столь великому и святому и теперь такъ низко павшему. Этотъ законъ воздаянія, это сцѣпленіе причинъ и дѣйствій—оно виситъ и надъ всѣми народами, и также надъ нашимъ; и если мы могущественны, свободны и счастливы теперь, мы должны помнить, что это одна половина явленія, и, думая о другой, должны быть сострадательны ко всему, что уже пало и унижено въ исторіи.

V.

Въ разсмотрѣніе самого акта Искупленія исторія не можетъ и не должна входить — эта мистическая сторона религіозной жизни человѣка принадлежитъ исключительно богословію. Но задача ея состоитъ въ томъ, чтобы изучить условія, при которыхъ совершилось

это Искупленіе, и, не касаясь самого существа Откровенія, опредѣлить по его *общимъ и внѣшнимъ* чертамъ то отношеніе, въ которомъ оно находится къ различнымъ эпохамъ и къ различнымъ народамъ. Здѣсь, оставаясь одновременно и строгою, и скромною, она можетъ открыть такія точки соприкосновенія, которыя могутъ пролить самый ясный свѣтъ на нѣкоторыя темныя стороны въ судьбахъ человѣчества.

Имѣя въ виду именно это, мы и рассмотримъ отношеніе Евангелія къ характеру двухъ главныхъ историческихъ племенъ—семитовъ и арійцевъ.

Тотъ характеръ чистоты духа, который присущъ сеμίтамъ и которымъ запечатлѣна Библия, этотъ характеръ мы находимъ и въ Евангеліи. Книга „Руѡ“ напоминаетъ намъ самыя свѣтлыя событія изъ исторіи Святого Семейства; книга Исуса, сына Сирахова, исполнена тою же простотою и мудростью, какъ и многія страницы Евангелистовъ. Въ этомъ отношеніи Евангеліе составляетъ продолженіе Библии, это—также завѣтъ Бога къ людямъ. Но это завѣтъ *новый*, и здѣсь, въ этомъ названіи, отмѣчается уже какое-то отличіе. Въ чемъ заключается оно?

Вмѣсто духа исключительности и строгости, который лежитъ на Библии, вѣтъ съ каждой страницы ея величіемъ и ужасомъ, мы находимъ въ Евангеліи духъ свѣтлой радости, духъ прощенія и примиренія, любви къ людямъ. Что-то глубоко родственное каж-

дому сердцу, что-то влекущее къ себѣ, заставляющее не замыкаться, не уходить въ себя, но, напротивъ, раскрывать свою душу, слышится въ каждомъ словѣ Спасителя и въ каждомъ дѣйствии Его. Это уже не Іегова, грозящій и гнѣвный къ Своему народу, къ Своему „первенцу и избраннику“, это—Богочеловѣкъ, сошедшій къ людямъ, живущій среди ихъ, любящій и понимающій все, что въ нихъ есть слабаго и незначительнаго. Вспомнимъ бракъ въ Канѣ Галилейской, это заботливое вниманіе къ маленькимъ радостямъ маленькихъ людей; вспомнимъ также притчу о блудномъ сынѣ.

Духъ свѣтлый и радостный, духъ открытости и общенія съ людьми—не звучитъ-ли все это чѣмъ-то уже знакомымъ намъ? Да, это духъ народовъ, которые, едва воспринявъ первыя впечатлѣнія жизни, назвали себя „свѣтлыми“, „агіоі“. Совершенно чуждый ему по происхожденію, онъ одинаковъ съ ними по характеру, тяготѣетъ самъ къ нему и взаимно притягиваетъ его къ себѣ. Небесная радость, которая слышится въ Евангеліи, склоняется къ земной радости, которою проникнута арійская жизнь; она просвѣтляетъ ее собою, но не отрицаетъ уже. Та черта объективности, то *обращеніе не внутрь себя, но къ внѣшнему*, что было всегда такъ чуждо семитамъ, вдругъ появляется на склонѣ ихъ исторіи, въ моментъ завершенія ихъ историческаго и религіознаго значенія. Тотчасъ же, какъ появилось, это стремленіе къ внѣшнему

разрываетъ замкнутость семитическаго духа и идетъ какъ „благая вѣсть“, какъ „евангеліе“, на встрѣчу всѣмъ народамъ земнымъ. Но не всѣ народы поняли это; это поняли тѣ только, которые въ этомъ движеніи къ внѣшнему, въ этомъ свѣтломъ и радостномъ духѣ почувствовали что-то родственное, близкое: не туранцы и не египтяне, но именно арійцы первые восприняли христіанство и теперь несутъ его уже и другимъ народамъ

Мы хотѣли-бы сравнить трудъ историка съ трудомъ геометра, который стремится завершить недоконченный чертежъ, найденный имъ въ старинномъ манускриптѣ. Какъ геометръ напрягаетъ свой умъ, чтобы отгадать мысль неизвѣстнаго автора чертежа, такъ усилія историка направлены къ тому, чтобы понять мысль и планъ, управляющіе ходомъ человѣческаго развитія. Найдя и опредѣливъ направленіе какого-нибудь одного теченія, онъ окидываетъ взглядомъ все остальное поле исторіи и ищетъ, нѣтъ ли на немъ гдѣ-нибудь другихъ теченій, которыя соотвѣтствовали-бы, гармонировали съ найденнымъ уже, шли бы ему навстрѣчу. Тогда завершеніе недоконченнаго узора исторіи, мысленное окончаніе еще только осуществляющагося плана ея уже не можетъ представить большаго затрудненія.

VI.

Задолго до начала христіанства, въ свѣтлой и жизнерадостной Греціи появился странный человѣкъ. Двадцати пяти лѣтъ изгнанный изъ родного города, онъ долго странствовалъ по Элладѣ, и куда онъ ни приходилъ, онъ повсюду встрѣчалъ отчужденіе и неприязнь: „вотъ уже будетъ теперъ 67 лѣтъ, какъ я мыкаю горе по Элладѣ“, говорилъ онъ въ послѣдній годъ своей жизни. Онъ не принималъ участіе въ политической жизни своего времени и причиною его изгнанія и его странствій не была вражда партій. Переходя изъ страны въ страну, онъ слагалъ рапсодіи, и въ ихъ характерѣ исключительно мы должны искать объясненій его странной судьбы. Чѣмъ то непохожимъ на все, что до тѣхъ поръ видѣла и знала Греція, вѣяло отъ этихъ рапсодій; въ нихъ слышалось новое и незнакомое настроеніе души, слышался разладъ со всею окружающею дѣйствительностью, съ исторіею, поэзіею и религіею. „Куда ни посмотрю, куда ни обращаю разумъ“, говоритъ онъ въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ его пѣсень, *„все разрѣшается въ одно, все стягивается въ одинаковую, однообразную сущность... Я старъ, а все блуждаю обманчивымъ путемъ... Нуженъ твердый умъ, чтобы смотрѣть въ обѣ стороны... Никто не можетъ поручиться за свое званіе... Надъ всѣмъ тяго-*

тѣтъ одно невѣрное мнѣніе“. Сомнѣніе, выраженное въ послѣднихъ словахъ, касается однако не тѣхъ особенныхъ мыслей, которыя занимали его, но того обычнаго склада чувства и ума, который онъ встрѣчалъ повсюду. Ему чуждо все греческое міросозерцаніе, онъ враждебно смотритъ на свѣтлый міръ Гомера, желчно смѣется надъ Олимпомъ: „люди воображаютъ“, говоритъ онъ, „что боги родились, что они схожи съ ними, имѣютъ ихъ одежду, голосъ и образъ. Оттого фракійцы изображаютъ своихъ боговъ голубоглазыми и бѣлокуроыми, а эфіопы—черными и курносыми, мидяне, персы, египтяне и другіе народы также представляютъ своихъ боговъ по своему образу, а Гомеръ и Гезіодъ, воспѣвая нечестивыя дѣла боговъ, приписали имъ все, что и у людей считается позорнымъ и безчестнымъ: воровство, прелюбодѣяніе и взаимный обманъ“. Онъ борется противъ антропоморфическихъ представлений родной религіи и противопоставляетъ имъ свое убѣжденіе: „одинъ есть Богъ“, говоритъ онъ, „ни видомъ, ни мыслию не похожій на смертныхъ; онъ—весь зрѣніе, весь—слухъ, весь—мысль, и безъ труда онъ господствуетъ надъ міромъ своимъ умомъ“; онъ училъ, что это единое Божество вѣчно и неизмѣняемо, что оно неподвижно и нераздѣльно.

Рапсодъ этотъ былъ Ксенофанъ Колофонскій. На 90-мъ году жизни онъ пришель въ Великую Грецію и здѣсь умеръ въ городѣ Элеѣ. Только одинъ человекъ изъ всѣхъ,

кто зналъ и слышалъ его, воспринялъ его мысли и далъ имъ дальнѣйшее развитіе. Но и этотъ единственный ученикъ относился къ нему непріязненно, холодно: мысль, оставленную Ксенофаномъ, онъ воспринялъ какъ тягостное, какъ постылое бремя; до того противорѣчила она всему складу греческой души.

То, что было у Ксенофана на степени смутнаго сознанія, у Парменида обставилось стройными доказательствами, противъ которыхъ даже и въ наше время трудно было бы привести основательныя возраженія. Живой, многообразной и измѣнчивой дѣйствительности, о которой говорятъ намъ органы чувствъ, въ которую такъ глубоко былъ погруженъ грекъ вслѣдствіе объективнаго склада своей души, этой дѣйствительности онъ противопоставилъ понятіе о чистомъ бытіи, чуждомъ измѣняемости и множественности, и первый показалъ, что оно одно можетъ стать предметомъ истиннаго и вѣчнаго знанія. Недоступное ни зрѣнію, ни осязанію, оно открывается единственно мышленію, и, слѣдовательно, въ этомъ послѣднемъ только долженъ состоять процессъ познанія; все же, о чемъ свидѣтельствуютъ намъ чувства, есть лишь призракъ, фантомъ, о которомъ мы безсильны думать, не впадая въ противорѣчія.

Уже въ этомъ указаніи способа познанія намъ слышится коренное измѣненіе арійскаго отношенія къ природѣ, которое всегда чувственно, всегда обращено навстрѣчу идущимъ извнѣ впечатлѣніямъ. Но у Парменида

субъективенъ только способъ познанія, самый же предметъ познаваемый, чистое бытіе, носить еще космическій характеръ. Правда, и онъ—уже не живая природа, но онъ стоитъ рядомъ съ природою, какъ абстрактный снимокъ съ нея, какъ ея неподвижное и вѣчное отвлеченіе. Во всякомъ случаѣ, этотъ предметъ познанія имѣетъ внѣшнее по отношенію къ человѣку положеніе. Съ появленіемъ Сократа и эта черта объективности исчезаетъ. Онъ первый оставилъ изслѣдованіе внѣшней природы, „свелъ“, какъ говорили о немъ, „философію съ неба на землю“; было бы правильнѣе сказать, что онъ ввелъ ее въ человѣческую душу, оставивъ равнодушно внѣшній міръ, какъ небесный, такъ равно и земной. Какъ и Парменидъ, онъ настаивалъ на томъ, что предметомъ познанія можетъ быть только вѣчно существующее, но путемъ своего неподражаемаго метода онъ заставлялъ своихъ собесѣдниковъ находить это вѣчное въ ихъ собственной душѣ. „Моя мать была повивальная бабка и я продолжаю ея ремесло“, говорилъ онъ о себѣ: „я ничему не учу, я только другимъ помогаю родить мысли“. Онъ первый посмотрѣлъ на душу, какъ на неисчерпаемый источникъ знанія, всѣхъ богатствъ котораго мы не сознаемъ потому только, что мало прислушиваемся къ ея движеніямъ, что вѣчно обращены къ природѣ, живемъ лишь впечатлѣніями органовъ чувствъ. Онъ *повернулъ это вниманіе отъ внѣшней природы внутрь себя,*

и въ этомъ именно заключается всемірно-историческое значеніе его дѣятельности, ученія и жизни. *Γνώθι σεαυτόν*—„познай себя самого“, эта мысль кажется простою и не важною, но если мы прослѣдимъ направленіе развитія арійскихъ и семитическихъ племенъ и приведемъ ее въ связь съ этимъ развитіемъ, мы поймемъ, что только „демономъ“ Сократа могла быть внушена ему эта мысль: до такой степени ея значительность въ исторіи превышаетъ силы единичной личности *). И не только въ ученіи Сократа, но во всей его личности, въ каждой чертѣ его характера мы чувствуемъ, что онъ былъ центральною личностью въ исторіи, въ которой совершался переломъ не только греческой жизни, но жизни всего обширнаго арійскаго племени. Что-то странное видѣли въ немъ греки, онъ не былъ похожъ ни на кого изъ нихъ. „*Ακολία*“, „неумѣстность“—вотъ слово, которымъ характеризуетъ его Платонъ въ своемъ „Симпосіонѣ“. И дѣйствительно, онъ является чѣмъ-то неумѣстнымъ и страннымъ, если разсматривать его въ ходѣ развитія лишь одного греческаго народа или даже однихъ арійскихъ племенъ; и, напро-

*) Собственно изреченіе это, между нѣсколькими другими правилами народной мудрости, было написано на фронтонѣ Дельфійскаго храма,—но, конечно, есть разница между нимъ какъ *общимъ мѣстомъ*, какъ просто мудрымъ выраженіемъ, и между тѣмъ глубокимъ и строгимъ содержаніемъ, которое раскрылъ въ немъ Сократъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что онъ создалъ это изреченіе, т.-е. не его форму, не звукъ словъ, но мысль, въ нихъ содержащуюся, которая на два тысячелѣтія опредѣлила судьбу филѳософій.

тивъ, все въ его личности, каждый поступокъ въ его жизни становится понятнымъ и необходимымъ, если разсматривать его какъ соединительное звено между двумя самостоятельными процессами развитія, черезъ которые проходила жизнь арійцевъ и семитовъ. Сынъ арійскаго племени, онъ не только обратилъ созерцаніе своего народа туда, куда оно обращено лишь у семитовъ—въ глубину собственнаго духа, но онъ и заставлялъ искать въ этомъ духѣ лишь тѣхъ знаній, которыя одни только цѣнились тѣми же семитами: знанія нравственныхъ истинъ вѣчнаго характера. Онъ не училъ о природѣ, онъ былъ только моралистомъ. Наконецъ, ученіе свое онъ запечатлѣлъ добровольною смертью — черта, поражающая насъ своею странностью въ арійской исторіи, въ исторіи племенъ, всегда такъ терпимыхъ ко всякому мнѣнію съ одной стороны, всегда такъ уступчивыхъ, мягкихъ—съ другой. Въ Сократѣ греки казнили человѣка, который разрушалъ ихъ психическій строй, который безсознательно для себя самого выводилъ свой народъ и съ нимъ всѣ арійскія племена навстрѣчу какому-то другому теченію, о которомъ онъ самъ не зналъ, что оно есть, котораго онъ не видѣлъ, какъ не видѣлъ Моисей обѣтованной земли, въ которую онъ велъ израильскій народъ. И какъ же было ему не говорить о своемъ „геніѣ“, объ этомъ добромъ божествѣ, къ внушеніямъ котораго онъ такъ часто прислушивался: по-истинѣ,

если бы онъ не сказалъ намъ о немъ, мы подумали бы, что онъ только скрылъ его отъ насъ, но мы знали бы, что около него стоитъ это доброе „*δαίμονιον*“: до такой степени всѣ его поступки гармонировали не съ окружающею дѣйствительностью, но съ иными и далекими теченіями въ жизни всего человѣчества, частью уже совершившимися, частью еще имѣвшими произойти. Въ то самое время, какъ онъ, приготавливаясь выпить чашу съ ядомъ, въ послѣдній разъ бесѣдовалъ со своими учениками и говорилъ имъ о безсмертіи души, въ это самое время среди другого и чуждаго племени также происходило раздвоеніе прежде цѣльной жизни: тамъ возставали и избивались пророки. Даже частныя, мелочныя черты въ его характерѣ поражаютъ насъ разладомъ съ духомъ его собственнаго народа и родственною близостью съ духомъ другого, ему невѣдомаго племени: Платонъ рассказываетъ въ „Федръ“, какъ, однажды, на приглашеніе итти гулять, Сократъ желчно отвѣчалъ, что онъ не хочетъ, потому-что онъ „ничему не можетъ научиться у деревьевъ и окрестностей“. Это равнодушіе къ красотѣ природы, это нежеланіе на нее смотрѣть есть черта чисто семитическая и вмѣстѣ совершенно незнакомая, чуждая грекамъ: въ Библии едва ли есть хоть одно описаніе природы, и между греками едва ли бы нашелся еще второй человѣкъ, который далъ бы отвѣтъ подобный тому, какой услышали отъ Сократа его друзья.

Мы сказали, что въ появленіи Сократа сказанъ переломъ греческой исторіи: и дѣйствительно, всѣ теченія греческой жизни начинаютъ съ этого времени умаляться и разрастается только то одно, которое впервые возникло много лѣтъ назадъ въ личности Колофонскаго рапсода. Не только политическая жизнь, свобода внутренняго развитія, но также религія, искусство, поэзія—все увядаетъ въ Греціи, все засыхаетъ, какъ въ то же самое время засыхала и увядала жизнь другого народа. И какъ тамъ всѣ силы духовно-умирающаго народа сосредоточивались въ одной вѣтви его, чтобы принести послѣдній и чудный плодъ; такъ и здѣсь, въ Греціи, всѣ творческія способности богато одареннаго племени сосредоточились въ одномъ узкомъ, но глубокомъ теченіи, и произвели высочайшій расцвѣтъ спиритуалистической философіи. Этотъ высшій и послѣдній плодъ греческаго развитія запечатлѣнъ двоякимъ характеромъ: по существу своему, какъ нѣкоторое *знаніе*, онъ есть произведеніе арійскаго духа; но глубокая *субъективность*, отчужденіе отъ всей природы, которое сказалося въ этой философіи, заставляеть насъ видѣть въ ней склоненіе арійскаго духа въ сторону семитическаго.

Чѣмъ далѣе развивалась эта философія, тѣмъ ближе и ближе подвигалась она къ тому, что уже было у главнаго изъ семитическихъ племенъ, именно еврейскаго. Истины, знакомыя намъ изъ Библии, не появляются,

но уже мерцаютъ въ ней: вспомнимъ ученіе Платона о знаніи и о прекрасномъ. Здѣшняя земная жизнь нашей души, училъ этотъ философъ, есть лишь временный переходъ для нея: она томится въ ней, и если такъ ищетъ истины, если такъ наслаждается созерцаніемъ красоты, то только, потому, что это пробуждаетъ у нея воспоминаніе объ иномъ мірѣ, въ которомъ она жила нѣкогда и куда ей предстоитъ возвратиться. Все, что создаетъ человѣкъ въ своей жизни относительно прекраснаго и относительно истиннаго, онъ создаетъ лишь по воспоминанію о той безусловной красотѣ и безусловной истинѣ, которую созерцала его душа въ своемъ премірномъ существованіи. Когда онъ учится, когда онъ познаетъ, онъ лишь припоминаетъ то, что зналъ ранѣе своего появленія на землѣ. Припомнимъ также прекрасное ученіе этого философа о Деміургѣ: этотъ вещественный міръ, въ которомъ мы живемъ и который мы созерцаемъ, обязанъ происхожденіемъ своимъ Предвѣчному Зодчему, который созидаль его, устремивъ взоръ на міръ идей, этихъ отъ вѣка существовавшихъ первообразовъ всего дѣйствительнаго. Духовный міръ, такимъ образомъ, безусловно предшествовалъ матеріальной природѣ. Еще ближе къ библейскому Откровенію подходитъ ученіе о Богѣ Аристотеля; но весь интересъ этого ученія становится понятенъ только тогда, когда оно разсматривается въ связи съ остальными частями его философіи,

и въ особенности, въ связи съ его понятіями о процессѣ, генезисѣ. Какъ извѣстно, въ Аристотелѣ греческая философія закончилась; она не пошла дальше, не могла подняться выше идей этого мыслителя. Чѣмъ же для него, въ комъ завершился греческій духъ, была его философія, какъ смотрѣлъ онъ на ея сущность и на ея цѣль? Повсюду изысканіе первыхъ причинъ бытія и знанія онъ называетъ безразлично то „первою философіею“, то „теологіею“: ученіе объ основахъ міро-зданія у него сливается съ ученіемъ о Божествѣ. Не разбирая этого ученія, укажемъ въ немъ, въ видахъ его отношенія къ Библии, только на одну частную черту: какъ извѣстно, Божество по Аристотелю есть *первый движитель* мірового развитія, и съ тѣмъ вмѣстѣ само оно *чуждо* всякой измѣняемости, и, слѣдовательно, также *пространственнаго движенія*. Разсматривая вопросъ о томъ, какъ неподвижное можетъ стать причиною движенія, онъ объясняетъ это примѣромъ. Божество, говоритъ онъ, есть источникъ мірового развитія не въ томъ смыслѣ, въ какомъ толчокъ есть причина движенія; Оно дѣйствуетъ на мірозданіе тѣмъ особеннымъ способомъ, какимъ дѣйствуетъ на человека прекрасная статуя, имъ созерцаемая. Она сама остается неподвижною, и однако мы, которые смотримъ на нее, приводимся въ движеніе, волнуемся и влечемся къ ней. Такъ и Божество, продолжаетъ онъ, однимъ существованіемъ своимъ движетъ и направ-

ляетъ къ себѣ все міровое развитіе. Оно есть источникъ вѣчной жизни, которую мы созерцаемъ вокругъ себя и чувствуемъ въ себѣ, и вся эта жизнь есть только вѣчное напряженіе природы слиться съ Творцомъ своимъ, вѣчная жажда ея приблизиться къ Нему, къ своему Источнику и къ своему Завершенію. Невольно вспоминаются при этомъ слова царя Давида, уже приведенныя нами ранѣе: „какъ желаетъ лань къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!“ То, что почувствовалъ въ себѣ псалмопѣвецъ, то понялъ и объяснилъ Аристотель; во всякомъ случаѣ, оба они остановились на одномъ.

VII.

Прошло еще нѣсколько вѣковъ; на берегахъ Нила, въ недавно возникшей Александріи, куда направлялись суда всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ, встрѣтились впервые люди, ранѣе никогда не знавшіе другъ друга. Тутъ были христіанскіе пресвитеры, ученые раввины, философы неоплатонической школы. Каждая изъ этихъ группъ людей являлась послѣднимъ звеномъ длиннаго процесса историческаго развитія. Эти процессы происходили совершенно независимо одинъ отъ другого; но, странное дѣло, всѣ эти люди узнали

другъ въ другъ знакомыя, близкія черты. Прочитавъ Евангеліе отъ Іоанна, одинъ неоплатоникъ сказаль, что первыя строки его, до выраженія: „и Слово плоть бысть“—есть то самое, что думаетъ онъ и его друзья. Напротивъ, евреи и христіане, знакомясь съ Платономъ, находили въ его Деміургѣ черты сходства съ творящимъ Іеговой, а въ мірѣ безплотныхъ идей, при помощи которыхъ былъ созданъ міръ, они видѣли отдаленный намекъ на Предвѣчное Слово. Начался великій синтезъ двухъ различныхъ теченій, дотолѣ отдѣленныхъ другъ отъ друга и мѣстомъ и племенной средою. То, чего не находили греческіе философы въ великихъ завѣщанныхъ имъ ученіяхъ, но къ чему уже давно и страстно порывалась ихъ душа, они нашли и восприняли въ Откровеніи; то, что затрудняло христіанъ въ пониманіи Откровенія, что вызывало въ средѣ ихъ споры и недоумѣнія, то они объясняли и разрѣшали съ помощью понятій, выработанныхъ въ греческой философіи. Такъ, ученіе западной церкви о пресуществленіи святыхъ даровъ покоится на различіи между субстанціею и акциденціями, которое было установлено Аристотелемъ въ его „Метафизикѣ“. Черезъ нѣскольکو столѣтій, когда греко-римская цивилизація была уже холоднымъ трупомъ, а въ западной Европѣ затеплилась новая жизнь и расцвѣло другое просвѣщеніе, въ Парижскомъ и Оксфордскомъ университетахъ со всякаго, желавшаго получить въ нихъ каѳедру, бра-

лось предварительное клятвенное обѣщаніе, что преподавая онъ ни въ чемъ не будетъ отступать ни отъ Библии, ни отъ Аристотеля. Такъ къ этому времени срослись между собою Откровеніе, воспринятое семитами, съ высшимъ плодомъ арійскаго духовнаго развитія.

Усвоеніе этого синтеза совершилось уже въ средѣ иныхъ народовъ, нежели тѣ, судьбу которыхъ мы прослѣдили. Какъ соединеніе и примиреніе противоположностей, какъ сляніе арійскихъ и семитическихъ началъ, онъ не могъ быть воспринятъ ни однимъ изъ ранѣе жившихъ народовъ: въ долгомъ историческомъ существованіи каждый изъ нихъ не только носилъ частныя, исключительныя черты, но эти черты пріобрѣли въ немъ уже твердость, стали неуступчивы, не способны къ измѣненію. Поэтому мы видимъ, что въ моментъ встрѣчи двухъ историческихъ теченій заканчивается греко-римская цивилизація, этотъ чистый и безпримѣсный продуктъ арійскаго духа, и разсѣиваются по лицу земли евреи. И въ то же время на поприще всемірной исторіи выступаютъ новые и свѣжіе народы: кельты, германцы, славяне; они не жили еще никакою историческою жизнью, и, слѣдовательно, могли жить всякою. Мягкія, еще не сложившіяся черты ихъ были уступчивы для всякаго давленія, и то, что было раздѣлено ранѣе, но уже подготовлено къ слянію, въ нихъ соединилось и примирилось.

Народы эти— послѣдніе, которые могутъ

жить историческою жизнью: за ними не остается ничего, кромѣ остатковъ народовъ, уже истлѣвшихъ въ исторической жизни, или расъ хотя и свѣжихъ, но которыя по силамъ своимъ, по своимъ духовнымъ дарамъ, не только не могутъ подняться выше уровня, уже достигнутого въ исторіи, но и удержаться на его высотѣ. И если въ тысячелѣтнихъ судьбахъ человѣчества есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь смыслъ, если не случайно брошенъ человѣкъ на землю и не игрою же случайностей была его исторія, то мы стоимъ при разгадкѣ этого смысла, въ преддверіи къ послѣднему и высшему, что можетъ быть узнано и испытано человѣкомъ.

Здѣсь мы можемъ считать нашу задачу оконченною. Двѣ идеи неволью остаются въ нашемъ умѣ, когда, отрываясь отъ всѣхъ подробностей изслѣдованія, мы останавливаемся на общемъ его смыслѣ, ищемъ главнаго изъ него вывода: это—идея о *цѣлесообразности*, которая господствуетъ въ ходѣ историческаго развитія, и идея *христіанской цивилизаціи*, какъ завершенія исторіи, какъ ея окончанія. Первая возвышаетъ нашъ умъ, укрѣпляетъ наши силы для дѣятельности, вторая указываетъ для этой дѣятельности цѣль. Со времени открытія Коперника, съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно истинное положеніе земли въ мірозданіи, одна тяжелая, сумрачная мысль повисла надъ сознаниемъ людей: это—мысль о ничтожествѣ человѣка, о незначительности всего, что онъ думаетъ и

дѣлаетъ, о случайности слѣпыхъ законовъ природы, которые вчера вызвали его къ существованію въ одномъ далекомъ уголкѣ вселенной и завтра могутъ погубить снова. Есть что-то сиротливое въ этой мысли, внушающей одновременно и отчаяніе, и чувство страшной свободы. Человѣкъ одинокъ, никто не видитъ его на этой кружащейся планеткѣ, и онъ можетъ дѣлать на ней, что ему угодно. Нѣтъ никакого верховнаго закона надъ человѣкомъ, нѣтъ другой отвѣтственности для него, кромѣ той, которую придумываютъ сами люди, сегодня условливаясь считать добромъ и зломъ одно, завтра — другое. Вся жизнь человѣческая, вся исторія его — это только игра случайностей, къ которой невозможно относиться серьезно, въ которой нечему радоваться и не о чемъ сожалѣть. Невольно вспоминается странный образъ Калибана въ „Бурѣ“ Шекспира: уродливое произведеніе грубыхъ силъ природы, что-то среднее между животнымъ и человѣкомъ.

Этотъ взглядъ на человѣка и на его положеніе въ мірозданіи, который высказывался многими великими умами въ послѣдніе два столѣтія, устраняется съ признаніемъ цѣлесообразности въ исторіи. Тамъ, гдѣ есть гармоническое соотвѣтствіе частей, гдѣ процессы, зародившіеся вдали другъ отъ друга, въ своемъ движеніи и развитіи таинственно согласуются между собою, тамъ мы не можемъ отрицать, что кромѣ того психическаго начала, которое обнаруживается въ каждой

изъ частей порозень, есть иное и высшее, которое стоитъ внѣ ихъ и управляетъ ихъ движеніемъ. Есть мысль въ исторіи, которая проявляется въ тысячелѣтіяхъ и согласуетъ развитіе народовъ, не знающихъ о взаимномъ существованіи. Источникъ этой мысли далекъ отъ насъ, далекъ отъ земли, на которой мы живемъ и движемся, управляемые этою мыслию. Мы не можемъ видѣть этого источника, и намъ не нужно этого, чтобы знать, что онъ есть: мы видимъ его дѣйствіе, мы сами, съ нашими идеями, съ нашими чувствами и желаніями—только результатъ этого дѣйствія. И здѣсь, съ этимъ представленіемъ о мысли, которая живетъ въ насъ и въ нашей исторіи, къ намъ снова возвращается та великая, радостная и успокаивающая идея, которую утратилъ человѣкъ съ открытіемъ Коперника. То, что онъ потерялъ въ мірозданіи, онъ находитъ въ своей исторіи. Нѣтъ болѣе основанія ни чувству своего одиночества, заброшенности въ мірозданіи, ни сознанію своего ничтожества. Мы можемъ спокойно смотрѣть на звѣздное небо, пусть оно ничего болѣе не говоритъ нашему сердцу: мы уже свободны отъ того грустнаго чувства, съ которымъ смотрѣли на это небо люди въ теченіе двухъ столѣтій. Не тамъ, не среди холодныхъ и ясныхъ звѣздъ, но въ насъ самихъ, въ нашемъ сердцѣ и въ нашей исторіи мы открываемъ Предвѣчную мысль, заботливо руководящую нашу жизнь.

Далекая и послѣдняя цѣль, къ которой

направляетъ насъ эта мысль, есть, мы сказали, *христіанская цивилизація*. Подъ этимъ выраженіемъ мы разумѣемъ полное сліяніе въ насъ самихъ и во всемъ, что мы дѣлаемъ и что создаемъ, элементовъ семитическаго духа съ элементами духа арійскаго. Что именно въ этомъ состоитъ цѣль исторіи—это никѣмъ не сознается, что можно видѣть изъ того, какъ постоянно, съ какимъ безумнымъ упорствомъ люди стремятся раздѣлить въ себѣ и въ своей жизни эти элементы, какъ нерѣдко они смотрятъ на такое раздѣленіе какъ на успѣхъ въ исторіи, какъ на ея прогрессъ. Печальнымъ примѣромъ подобнаго раздѣленія могутъ служить взаимныя отношенія между религіею и наукою, о которыхъ одни съ сожалѣніемъ, другіе злорадно, но всѣ съ одинаковою увѣренностью говорятъ, что они не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только борьбою: заблужденіе глубокое, основанное на непониманіи всего хода исторіи. Какъ можемъ мы отрицать, что въ безсмертной мысли человѣка, стремящейся обнять собою мірозданіе, проникнуть во всѣ глубины его, проявляется то же самое „дыханіе“ Божества, которое сказывается въ насъ, когда въ минуты горя или безнадежности мы обращаемся къ молитвѣ. Стремиться подавить въ себѣ эту мысль, думать, что ея пытливость можетъ быть не угодна Богу—это значитъ отвращаться отъ Божества, въ своей безсмертной душѣ убивать его дыханіе. Воля Творца нашей души несомнѣнно

выражена для насъ въ самомъ строѣ этой души: и если въ нее вложено этою Волею стремленіе къ познанію, мы можемъ только осуществлять ее, познавая мы повинuemся Богу. Такимъ образомъ печать религіознаго освѣщенія лежитъ на наукѣ. И съ другой стороны, какъ можемъ мы думать, что наука въ какомъ бы то ни было смыслѣ можетъ поколебать наши религіозныя убѣжденія? Чтѣ общаго между знаніемъ астрономіи и между завѣтомъ Спасителя: „ищите прежде царствія Божія и правды его, и все остальное приложится вамъ?“ Тутъ нѣтъ ни согласія, ни противорѣчія—это истины разныхъ категорій, изъ которыхъ одна не имѣетъ никакого отношенія къ другой. Когда мы говоримъ о противорѣчьи между наукою и религіею, мы все еще думаемъ о тѣхъ жалкихъ и павшихъ религіяхъ, которыя возникли изъ раннихъ попытокъ арійскаго ума объяснить себѣ природу: таковы были греческій политеизмъ и индусскій пантеизмъ. Съ появленіемъ науки, какъ истиннаго знанія, онѣ всѣ пали, какъ ложное, несовершенное знаніе. Онѣ не имѣютъ ничего общаго съ Откровенною религіею, которая дана была семитамъ и отъ нихъ воспринята нами. Эта религія есть нравственный законъ, данный намъ, чтобы руководить насъ въ жизни. Его нельзя ни связывать съ наукою, ни противопоставлять ей; они не имѣютъ ничего общаго. Каковы бы ни были наши знанія, Нагорная проповѣдь Спасителя останется вѣчною правдою,

къ которой мы не перестанемъ прибѣгать, пока не перестанемъ чувствовать горе и униженіе, пока остаемся людьми. Здѣсь есть несоизмѣримость, и слѣдовательно не можетъ быть противорѣчія. Только пустыя души, одинаково безсильныя и къ религіозному чувству, и къ научной дѣятельности, могутъ находить между ними какую-то несомѣстность. Люди же истинно высокіе духомъ одинаково совмѣщали въ себѣ и это чувство, и эту дѣятельность. Какъ на примѣръ этой гармоніи между религіею и наукою, мы можемъ указать на жизнь самого Коперника, о трудѣ котораго такъ ложно судили посторонніе люди. Они думали, что этотъ трудъ подрываетъ религію, и Римскій престоль осудилъ его буллою, а Вольтеръ писалъ о немъ восторженныя страницы. И то, и другое мнѣніе было одинаково заблужденіемъ: оно вытекало изъ стремленія къ раздѣленію семитическихъ элементовъ отъ арійскихъ, оно основывалось на непониманіи, что исторія идетъ къ ихъ синтезу, къ ихъ гармоническому сочетанію. Мы же, помня это, думаемъ, что его умственный подвигъ былъ вмѣстѣ и религіознымъ. На всей жизни великаго преобразователя астрономіи лежитъ печать той глубокой серьезности, которую можетъ дать нашей душѣ только вѣра въ Бога. Онъ писалъ свое сочиненіе, не думая издавать его. Друзья почти насильно взяли у него рукопись и издали ее противъ его воли. За нѣсколько часовъ до смерти къ нему принесли

первый отпечатанный экземпляръ книги. Онъ взглянулъ на него и умеръ. Въ теченіе всей долгой жизни онъ оставался каноникомъ соборной церкви въ одномъ незначительномъ городкѣ. Такъ жилъ этотъ великій человѣкъ и такъ окончилъ онъ свои дни. Что бы ни думали о немъ другіе, мы убѣждены, что его глубокое мышленіе было такъ же чисто передъ Престоломъ Всевышняго, какъ и псалмы Давида, и такъ же свято, какъ и они. Мы не отдѣляемъ этого; размышляя или молясь, мы одинаково возвращаемся своею душою къ источнику нашей жизни—къ Богу.

